

**СОВЕТСКОЕ ГОСУДАРСТВО КАК ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНЫЙ ФЕНОМЕН /
THE SOVIET STATE AS A HISTORICAL AND CULTURAL PHENOMENON**

<https://doi.org/10.24888/2410-4205-2023-35-2-92-102>
УДК-94(476)“1941/1945”

**БЕЛОРУССКАЯ ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ В ПРОПАГАНДИСТСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
НЕМЕЦКИХ ОККУПАЦИОННЫХ ВЛАСТЕЙ В 1941-1944 гг.¹**

Елена Пушкаренко

Российская таможенная академия,
Люберцы, Россия

Татьяна Мамаева

СОФ НИУ «БелГУ»,
Старый Оскол, Россия

**BELARUSIAN INTELLIGENTIA IN PROPAGANDISM ACTIVITIES OF THE
GERMAN OCCUPATION AUTHORITIES IN 1941-1944**

Elena Pushkarenko

Russian Customs Academy,
Lyubertsy, Russia

Tatiana Mamaeva

Starooskolsky Branch of the National Research University "BelSU",
Stary Oskol, Russia

Introduction. The article examines the phenomenon of the Belarusian intelligentsia in the conditions of the German occupation of the period 1941-1944. The author defines the types of interaction, motives, and political intentions of this social group in the conditions of war. **Materials and methods.** The territorial scope of the study is limited to the General District of Belarus, within which the head of the civil administration V. Kube pursued a policy of so-called "Belarusization", aimed, among other things, at attracting the local intellectual elite to interact with the occupation authorities. Representatives of the Belarusian intelligentsia, who chose the path of collaboration, were guided by various motives. Its politically active part sought to implement the Belarusian national project under the Nazi protectorate, the embodiment of which would be the acquisition of sovereignty. **Results.** Representatives of this group actively participated in the activities of the German occupation authorities at various levels. And representatives of the Belarusian cultural elite saw in cooperation with the German authorities the possibility of creative self-realization in the national language. **Conclusion.** In both cases, they were the main instrument of German propaganda in the district. Their ethnicity and fluency in the Belarusian language were an additional means of verifying the content of propaganda. For their part, representatives of the Belarusian intelligentsia, who purposefully and consciously interacted with the German authorities, saw them as a means to achieve their own goals, hoping that in the conditions of the Nazi regime, the implementation of a national-state project is possible.

¹ Оригинальная статья.

Citatonin: Pushkarenko E., Mamaeva T. Belarusian intelligentsia in propagandism activities of the german occupation authorities in 1941-1944 // History: Facts and symbols. 2023. Vol. 35. No. 2, pp. 92-102. DOI 10.24888/2410-4205-2023-35-2-92-102. Пушкаренко Е.А., Мамаева Т.П. Белорусская интеллигенция в пропагандистской деятельности немецких оккупационных властей в 1941-1944 гг. // История: Факты и символы. 2023. № 2 (35). С. 92-102. DOI 10.24888/2410-4205-2023-35-2-92-102

© Пушкаренко Е., Мамаева Т., 2023

Keywords: collaboration, German propaganda, the General District of Belarus, "Belarusization", Belarusian intelligentsia, the Great Patriotic War, German civil administration.

Введение. В статье исследуется феномен белорусской интеллигенции в условиях немецкой оккупации периода 1941-1944 гг. Автор определяет виды взаимодействия, мотивы, политические интенции этой социальной группы в условиях войны. **Материалы и методы.** Территориальные рамки исследования ограничены Генеральным округом Беларусь, в пределах которого главой гражданской администрации В. Кубе проводилась политика т.н. «белорусизации», направленная, в том числе, на привлечение местной интеллектуальной элиты к взаимодействию с оккупационными властями. **Результаты.** Представители белорусской интеллигенции, выбравшие путь коллаборации, руководствовались различными мотивами. Ее политически активная часть стремилась реализовать под нацистским протекторатом белорусский национальный проект, воплощением которого станет обретение суверенитета. Представители этой группы активно участвовали в деятельности немецких оккупационных органов власти различного уровня. А представители белорусской культурной элиты видели во взаимодействии с немецкими властями возможность творческой самореализации на национальном языке. В обоих случаях они выступали основным инструментом немецкой пропаганды в округе. Их этническая принадлежность, свободное владение белорусским языком являлись дополнительным средством верификации содержания пропаганды. **Заключение.** Со своей стороны, представители белорусской интеллигенции, целенаправленно и сознательно взаимодействовавшие с немецкими властями, видели в них средство для достижения собственных целей, рассчитывая, что в условиях нацистского режима возможна реализация национально-государственного проекта.

Ключевые слова: коллаборационизм, немецкая пропаганда, Генеральный округ Беларусь, «белорусизация», белорусская интеллигенция, Великая Отечественная война, немецкая гражданская администрация.

1. Введение.

Национальная интеллигенция традиционно считается интеллектуальной элитой общества, определяющей политический, экономический и ценностный вектор его развития. Белорусская интеллигенция в период немецкой оккупации 1941-1944 гг. столкнулась с вызовом не только военно-политического, но и морально-нравственного характера. Стремление реализовать белорусскую национальную идею в условиях оккупации обернулось крахом. Обе стороны – и немецкая администрация округа, и белорусские коллаборационисты – считали, что их взаимодействие выступает лишь в качестве инструмента для реализации собственных политических целей. Для первой таковыми являлась активная пропаганда как средство пачификации тыла и выполнения планов хозяйственной эксплуатации. Для другой – возрождение национальной культуры и языка, создание условий для обретения суверенитета. Их наиболее тесное взаимодействие происходило в идеологической сфере. Глава немецкой гражданской администрации Генерального округа Беларусь В. Кубе видел в пропаганде основное средство оккупационной политики, как следствие, к пропагандистской деятельности активно привлекались белорусские кадры, в особенности выходцы из культурной элиты. Следует отметить, что оккупированная территория БССР в период 1941-1944 гг. находилась под контролем как военных, так и гражданских властей Германии. В данной работе исследуется практика взаимодействия белорусской интеллигенции в области пропаганды и культурной политики с немецкими властями в пределах Генерального округа Беларусь.

Актуальность темы исследования обусловлена протекающими на постсоветском пространстве процессами поиска и манифестации национальной идентичности, нерешенностью для многих участников международного политического процесса вопроса государственного и национального суверенитета. При этом историография проблемы не столь широка. Существующие научные работы связаны с изучением феномена коллаборационизма как такового, без выделения конкретных социальных групп, в нем участвовавших, и выявления их мотивации [11]. Отдельные исследования носят на себе отпечаток предвзятости, когда любая национально ориентированная политика оккупационных властей <в данном случае

т.н. «белорусизация»», трактуется как позитивная [16]. Другие авторы рассматривают проблему национальной интеллигенции Беларуси в условиях вызова второй мировой войны в контексте нацистской политики уничтожения и разграбления достижений национальной культуры. Основной акцент они делают на ущербе, причиненном белорусской культуре и науке за годы Великой Отечественной войны. Кузьменко В. И. и Токарев Н. В. отмечают: «По замыслам гитлеровцев истреблению в первую очередь подлежала новая генерация интеллектуалов, выросшая и сформировавшаяся в условиях советского строя. В ней нацисты не без оснований видели серьезного политического противника» [1, с. 134]. Вышеназванная проблема частично уже рассматривалась авторами ранее в контексте проблемы национальной белорусской идеи как инструмента немецкой пропаганды на территории Генерального округа Беларусь в 1941-1944 гг., в частности, было отмечено: «В политике «белорусизации» Кубе опирался на т.н. «белорусский актив» - представителей религиозной, культурной, научной среды Беларуси, которые видели в проводимой им политике способ национального возрождения Беларуси, развития национального самосознания белорусов, а в перспективе и создания суверенного государства» [2, с. 82].

2. Материалы и методы.

Вопрос участия белорусской интеллигенции в пропаганде и оккупационной политике немецких властей следует начать с выявления тех объективно-исторических факторов, под влиянием которых формировалась белорусская нация. Судьба белорусского народа и белорусской государственности связана со многими историческими перипетиями. В течение длительного времени земля Беларуси выступала ареной для военных столкновений и культурно-цивилизационного противостояния сопредельных держав. Военная повседневность стала тем фактором, который предопределил формирование характерных черт менталитета белорусов, а, вместе с этим, и их политические настроения в периоды радикальных исторических перемен и политических потрясений. Одной из ярких отличительных черт белорусской ментальности, обусловленных длительным периодом отсутствия собственной государственности – стала терпимость к власти как таковой. В массовом сознании прочно укоренился стереотип, что власть периодически меняется и не важно, кто ее представляет, главное – сохранить свою жизнь. Для основной массы населения, проживавшей в пределах Генерального округа Беларусь (а это были преимущественно районы Западной Беларуси), непродолжительный предыдущий советский этап был воспринят как временный, на смену которому в очередной раз пришел германский. Как следствие, гражданское население заняло пассивную позицию, ожидая дальнейшего развития событий.

Немаловажным фактором в пассивном, выжидательном отношении людей к происшедшим событиям стал достаточно низкий уровень этнического самосознания простых белорусов, многие из которых именовали себя «тутэйшыя», то есть «местные». Население Беларуси исторически испытывало воздействие двух сил – польской и российской, что существенно минимизировало как уровень национального самосознания, так и тенденции к национализму и сепаратизму. На это обратили внимание и представители германской администрации, указав, что пассивные по отношению к ним политические настроения обусловлены «низким национальным самосознанием» белорусов, а также «отсутствием национальной интеллигенции» [12, л. 248-250].

Еще одной специфической чертой ментальности белорусского народа, в целом, и белорусской интеллигенции, в частности, которая ярко проявилась в период Великой Отечественной войны, стала дифференциация восточных и западных белорусов по религиозному и этническому признакам на православных и католиков/ русских и поляков. Очевидно, что длительное нахождение в составе Речи Посполитой и Российской империи, а впоследствии в БССР, наложило отпечаток на духовную культуру народа, его самосознание, политические интенции и настроения. Немаловажным фактором здесь выступали образовательная,

религиозная и культурная политика этих держав по отношению к местному населению. В очередной раз белорусский народ испытал на себя воздействие политики полонизации, с одной стороны, и русификации, с другой. Неудивительно, что восточные белорусы именовали себя «русскими», а западные – «поляками». Существенным фактором стала и советская политическая практика формирования «человека нового типа», а также атеистическая пропаганда. В результате они послужили основанием для еще большего разделения на «усходнікаў» (восточников) и «заходнікаў» (западников). В этих условиях часть белорусской интеллигенции связывала свое индивидуальное и коллективное будущее с Советской Россией, часть – с Польшей, а часть посчитала возможным вступить в политико-идеологическое взаимодействие с немецкой администрацией для реализации собственного национального проекта.

3. Результаты.

Следует подчеркнуть, что бесконечная череда войн, ареной которых становилась белорусская земля, превратилась в массовом сознании в некую обыденность, «военную повседневность». Эта специфическая повседневность объективно ограничивала возможности белорусского народа на национальное самовыражение, на обретение суверенной государственности, на развитие собственного языка и культуры, на формирование страты национальной интеллигенции, которая сможет мобилизовать народ на реализацию «белорусской идеи». С другой стороны, военная повседневность обусловила развитие и закрепление таких черт, как осторожность, пассивность, индифферентность, безразличие к власти и политике. Ситуация «между молотом и наковальней» только ослабляла национальные признаки, девальвировала в глазах народа какие-либо национально-государственные проекты и перспективы, потому что его единственным стремлением в условиях перманентной военной повседневности было желание выжить. Закономерным следствием этих тенденций стало формирование политического конформизма в среде политически активной части белорусского общества, в том числе национальной интеллигенции. Повторный (за первую четверть XX века) приход на землю Беларуси немецких властей был воспринят ею как возможность для реализации собственного национального проекта. Кубе обратил внимание на стремление местного национального актива к сотрудничеству и постарался максимально использовать его в интересах Германии. Именно интеллигентскими коллаборационистскими группировками (как из кругов белорусской эмиграции, так и местными, отрицавшими большевизм, советскую белорусскую государственность) обеспечивалось создание таких структур, как «Белорусская народная самопомощь», «Белорусская Рада Доверия», «Белорусская Центральная Рада» [1, с. 34]. В целом, взаимодействие между немецкой администрацией и белорусскими коллаборационистами осуществлялось в научной, культурной и политической областях.

Немецкий историк Б. Кьяри отмечает, что уже в начале войны «немецкие власти обратились к <белорусским> эмигрантским кругам Германии, Польши и Литвы». К этому времени незначительная часть белорусской национальной интеллигенции сосредоточилась вокруг учрежденной Кубе коллаборационистской «Белорусской народной самопомощи», а также в местных администрациях, в национальных комитетах в Варшаве и Белостоке, в белорусских театрах, музеях и научных обществах, а также в редакциях национальных газет. Поощряя их к взаимодействию в области культуры, образования, политики, немецкие власти обещали им в будущем некие перспективы национальной государственности в составе т. н. «Новой Европы» [15, с. 114].

Привлечь к сотрудничеству, в первую очередь, немцы попытались научную интеллигенцию, оказавшуюся на оккупированной территории. В Минске при помощи коллаборационистов были взяты на учет все научные и профессорско-преподавательские кадры. От

представителей научной белорусской интеллигенции потребовали явиться в управу и засвидетельствовать свою лояльность новой власти.

В июне 1942 г. с санкции Кубе было учреждено «Белорусское научное товарищество» (БНТ). В июле 1942 г. Генеральный комиссар округа утвердил его устав и состав президиума. Сам же Кубе стал почетным президентом БНТ [4, л. 4]. Главой товарищества был назначен Иван Ермаченко, его первым заместителем - начальник политического отдела Генерального комиссариата в Минске Франц Юрда, вторым заместителем - бургомистр города Минска Вацлав Ивановский. В президиум вошли также начальник окружного суда в Минске Свирид, профессор Шиперко, редактор «Беларуской газеты» Адамович. Ученым секретарем был назначен инженер Косяк [7, л. 28]. Само наличие подобной организации в военное время с декларируемым статусом «научной» и «национальной» выполняло исключительно пропагандистскую задачу, верифицируя в общественном пространстве идею «возрождения» культуры и науки Беларуси.

В проекте, подготовленном для оккупационных СМИ в июне 1943 года в преддверии I-го съезда БНТ, перечислен его состав. В число членов товарищества входили представители местной научной национальной интеллигенции: Бухвалов А. (математик), Жилинский И. (географ-картограф), Ивановский В. (доктор технических наук), Ивашкевич М. (микробиолог), Ковалев Н. (геолог), Калоска В. (гидротехник), Кречко П. (химик), Кудин К. (микробиолог), Левкович В. (математик), Лыновский И. (гигиенист), Мороз А. (математик), Морковко И. (химик), Масевич В. (правовед), Михайлов С. (гидротехник), Пушкевич А. (механик), Рождественский А. (химик), Рунцо А. (химик), Станкевич Е. (биолог), Томин М. (ботаник), Трисмаков П. (технолог), Шкутько К. (лингвист), Шиперко Э. (агроном). Главой БНТ предполагалось рекомендовать профессора В. Ивановского [7, л. 37].

В «Учредительном акте» БНТ, оглашенном на его заседании 13.08.1943 г., целью товарищества объявлялись «развитие и поддержка белорусской науки и культуры». Предполагалось организовать работу секций белорусистики, естествознания, математики, техники, литературы и искусства. По замыслу гитлеровцев, БНТ должно было вести как теоретические исследования, так и выполнять ряд практических задач, содействовать будущему послевоенному экономическому восстановлению Беларуси. Планировалось и сотрудничество с научными центрами в «рейхе» [19, с. 139].

Псевдонаучные, а фактически пропагандистские, структуры были учреждены в составе главных коллаборационистских организаций. Например, в январе 1944 г. в составе «Белорусской центральной рады» (БЦР) был создан отдел просвещения, науки и культуры, который возглавил его «президент» - Р. Островский. 19 марта 1944 г. в Минске под председательством главы БЦР Р. Островского состоялось общее организационное собрание БНТ [8, л. 34]. Открыл собрание представитель немецкого Генерального комиссариата Беларуси доктор Люббе. Доктор подчеркнул, что на пути к победе в текущей войне «имеет значение и белорусская наука», «здесь должна быть и ваша доля в уничтожении советской системы» [8, л. 34]. Люббе посетовал на то, что в советский период «ученый-белорус был полностью оторван от европейской культуры и лишен возможности приобщения к западной науке». При этом он пообещал подъем «нынешней белорусской науки под немецким покровительством» и призвал белорусских ученых к взаимодействию. Люббе пообещал участникам собрания возможность публикаций в «немецких специальных научно-технических журналах», а также «успех и известность на Западе» [8, л. 2].

В контексте заявленных перспектив развития белорусской науки осуществлялись командировки в Германию, шло обсуждение вопроса об открытии на территории округа высших учебных заведений. В частности, вопрос об университете перед оккупационной властью ставили некоторые члены БЦР еще в августе 1943 г. [14, с. 151]. «Осенью 1943 г. начали разрабатываться планы создания военно-санитарных, юридических, административно-технических и технических институтов, для которых было создано 4 заявочных бюро. В

качестве преподавателей для юридического института предусматривалось пригласить 11 местных специалистов, в том числе ... адвоката, двух судей из Минска» [15, с. 223].

Как отмечает польский исследователь Ю. Туронок, немцы стремились создать видимость организуемого государства белорусов со своим правительством, миражную картину расцвета белорусской культуры. Как будто бы не существовало Красной Армии, и оккупация должна была продолжаться вечно [19, с. 180]. Одним из доказательств истинности намерений немецкой администрации и долгосрочности германско-белорусского взаимодействия должна была послужить организация Белорусского медицинского института, состоявшаяся в 1943 году [19, с. 134].

Однако военная повседневность и обещанные перспективы развития национальной науки явно противоречили друг другу. Так вместо зарубежных командировок членам «научного отдела» БЦР пришлось участвовать в рытье окопов [6, л. 11].

Говоря о мотивах взаимодействия белорусской научной и культурной интеллигенции с оккупационными властями, следует выделить несколько аспектов. Во-первых, можно утверждать, что большая часть пошла на это сотрудничество вынужденно, оказавшись на оккупированной территории и столкнувшись с необходимостью выживания. Документы свидетельствуют, что на бумаге многие избрали политически нейтральные темы для своих «исследований», только создавая видимость активной деятельности [1, с. 67]. Во-вторых, реакция подавляющего большинства национальной интеллигенции Беларуси на германскую оккупацию республики была патриотической. Исторические документы сохранили факты активного участия ее представителей в партизанской и подпольной борьбе с нацистами [1, с. 68]. При этом небольшая прослойка национальной интеллигенции выбрала для себя путь сотрудничества с оккупационными властями как способ достижения собственных политических целей. Ее представители считали, что они используют немецкую администрацию как инструмент в реализации собственного национального проекта.

Подобная позиция имеет место и в современной белорусской историографии. Например, белорусский историк Л. Лыч утверждает: «Образование и научная деятельность в годы оккупации нисколько не противоречили национальным интересам белорусского народа. Более того, они не давали ему оказаться в ситуации полного духовного застоя. Интеллигенция, которая в экстремальных условиях войны занималась столь необходимой деятельностью, не должна была нести даже самой незначительной ответственности с возвращением в Беларусь довоенных советских порядков» [16, с. 117].

Взаимодействие с белорусскими коллаборационистами заставило Кубе пойти на неоднозначные заявления, явно противоречившие оккупационным планам нацистов. «Генеральный округ Беларусь должен выполнять не только административные задачи, продиктованные военной необходимостью, ему предназначено стать Отечеством для белорусского народа, поэтому белорусский народ является в определенной степени государствообразующим народом», - заявил он в прессе [20, с. 1]. Конечно, подобные высказывания весьма льстили части национально и националистически ориентированной белорусской интеллигенции. Упоминания обо всех национальных обидах и унижениях Беларуси на фоне заявленных перспектив вхождения в число цивилизованных европейских стран выглядели как политическая программа и, в случае сотрудничества с немецкой администрацией, обещали перспективы быстрой политической карьеры. Однако, декларируемая идея белорусской государственности не имела каких-либо конкретных институциональных форм, а носила характер квазигосударственности. Ее воплощением стало т.н. «Параллельное бюро», учрежденное еще в сентябре 1941 года. «Бюро» представляло собой своего рода местный аналог немецкого Генерального комиссариата в Минске. Возглавил бюро известный белорусский политический деятель Радослав Островский. Островский был математиком, учительствовал, исполнял обязанности директора гимназии, при этом в период оккупации 1941-1944 гг. активно сотрудничал с немецкой администрацией.

По задумке В. Кубе, т.н. «Бюро» должно было выступать в роли «высшей белорусской инстанции» [19, с. 84]. Однако, в результате интриг в среде коллаборационистов Островский отошел на второй план. Тогда Кубе делает ставку на Ивана Ермаченко. Врач по образованию, Ермаченко долгое время провел в политике, в том числе в белорусских эмигрантских комитетах. В октябре 1941 г. ему было доверено возглавить т.н. «Белорусскую народную самопомощь» (БНС). Официально главными целями БНС были объявлены охрана здоровья и опека над бездомными, сиротами, детьми, матери которых заняты на производстве. БНС было передано имущество Белорусского Красного Креста, учрежденного в июне 1941 г. и вскоре ликвидированного. Однако вскоре члены БНС стали претендовать на участие в политике и в марте 1942 г. выступили с инициативой создания автономии Беларуси с организацией самостоятельного белорусского правительства и белорусской армии. Лидеры БНС заявили, что вновь созданное «правительство провозгласит отделение Беларуси от СССР и объявит ему войну как врагу белорусского народа». Подобные инициативы явно противоречили реальным оккупационным планам немцев и, как следствие, в июне 1943 г. деятельность БНС была ограничена только сбором пожертвований и вербовкой новых членов.

Тем не менее, Кубе не оставлял попыток создать некое подобие национального белорусского органа в составе известных белорусских политических деятелей, который можно было бы использовать в пропагандистских целях. Очередным шагом его администрации в этом направлении стало образование летом 1942 г. особого подразделения в системе немецкой администрации – т.н. института «Мужей доверия» при Генеральном Комиссариате в Минске [17, с. 1]. Лидер БНС И. Ермаченко был объявлен «советником и Мужем доверия белорусского народа» для обеспечения «плодотворного участия белорусов в управлении краем». В июле 1942 г. была учреждена т.н. Главная Рада БНС во главе с И. Ермаченко [18, с. 1]. В состав Главной Рады БНС, в том числе, вошли С. Кандыбович (образование высшее; до войны работал управляющим делами СНК БССР, затем уполномоченным комитета заготовок СНК БССР; в 1940 г. был арестован; в период немецкой оккупации возглавлял общий отдел БЦР, участвовал в работе II-го Всебелорусского конгресса), В. Козловский (офицер царской армии, в годы оккупации был редактором оккупационного издания «Беларуская газета»), П. Свирид (юрист, в 1941-1944 гг. возглавлял один из окружных судов [13, с. 158]). Кроме того, в каждом округе ГОБ были созданы окружные рады БНС. А при Главной Раде БНС были учреждены отделы политики, пропаганды, культуры, охраны здоровья, школьный и военный. Их аналоги появились и в окружных подразделениях Рады. Таким образом, с санкции В. Кубе на территории Генерального округа Беларусь возник целый аппарат управления национального характера. При этом делопроизводство велось на двух языках – немецком и белорусском.

Однако деятельность лидеров Рады в области национально-государственного строительства и участия в текущих политических вопросах была столь активна, что стала причиной расследования Главного управления безопасности «рейха» против И. Ермаченко по обвинению в «государственной измене». Причиной к этому послужил меморандум на имя Кубе, инициатором и автором которого был лидер БНС. В марте 1943 г. на съезде окружных глав БНС Центральная Рада БНС адресовала этот документ Генеральному комиссару. «Белорусская интеллигенция не может противостоять вражеской пропаганде, поскольку сама не знает конкретных условий вступления Беларуси в Новую Европу. Съезд считает целесообразным предложить следующие мероприятия, которые могут вернуть энтузиазм в народе для борьбы за Новую Европу, - обозначить идеологическую и организационную основу вхождения Беларуси в состав Новой Европы, признать ее независимость; создать национальное правительство, которое объявит об отделении от СССР и объявит ему войну, как врагу белорусского народа; отменить большевистские законы; организовать Белорусскую Национальную Армию; привлечь в Беларусь эмигрантские силы» [9, л. 3]. Неадекватные

для статуса коллаборациониста политические амбиции Ермаченко, а во многом и ревность к его «успехам» со стороны «соратников», стали причиной его устранения из политического пространства оккупированной Беларуси.

Кроме того, начальник СС и полиции Генерального округа Курт фон Готтберг видел реальную угрозу в политических проектах БНС. Он обвинил Ермаченко в том, что тот «кормит берлинские власти полностью ошибочными националистическими белорусскими идеями», что «БНС больше причинила вреда, чем принесла пользы, вводя в заблуждение население». Как следствие, Ермаченко был выслан в Прагу <центр белорусской эмиграции>, а деятельность БНС была ограничена исключительно вопросами охраны здоровья и оказания материальной помощи населению.

Высылка Ермаченко и ограничение политических компетенций БНС означала, что проект В. Кубе по созданию национального органа самоуправления в лице наиболее ярких национально ориентированных белорусских деятелей провалился. По крайней мере, в прежнем формате эта идея себя исчерпала. Новым вариантом национального института власти стала т.н. «Белоусская Рада Доверия», о созыве которой он объявил 27 июня 1943 года [5, л. 1]. Рада функционировала при Генеральном комиссариате в Минске, была наделена полномочиями совещательного органа и включала представителей т. н. белорусского актива. По случаю учреждения Рады Кубе демагогично заявил: «Мы прибыли сюда как победители, но победители большевизма, а не белорусов, для них мы – освободители». Кубе призвал членов Рады так организовать работу с белорусским народом, чтобы «он оказался на уровне европейских» [3, л. 10]. Администрация Кубе активно создавала видимость какого-то сотрудничества и взаимодействия с белорусскими коллаборационистами на равных, передав компетенции Рады три направления – школьного образования и воспитания молодежи, восстановления хозяйства и борьбу с «бандитизмом».

Верификации немецкой пропаганды и дополнительным стимулом для консолидации национальной элиты вокруг Кубе должна была стать политика «белорусизации» в области культуры. Одним из ее приоритетных направлений стало формирование национального самосознания и национальной идентичности. Апелляция к национальным чувствам белорусов, их стремлению к развитию национальной культуры и языка стало основой оккупационной культурной политики. Кубе пошел на целый ряд шагов, чтобы укрепить к себе доверие со стороны белорусской интеллигенции, которая наиболее деятельно отреагировала на проводимую им политику. Во-первых, Кубе санкционировал использование национальной символики — бело-красно-белого флага и герба «Погоня», которые стали неотъемлемыми атрибутами всех проводимых пропагандистских акций и мероприятий. Во-вторых, Кубе разрешил широкое и повсеместное использование белорусского языка, как в повседневной жизни, так и в официальном документообороте. Следует отметить, что делопроизводство в Генеральном комиссариате в Минске велось на двух языках — белорусском и немецком, а в составе администрации было немало этнических белорусов. В-третьих, содержание материалов пропаганды в области национального развития было построено на акцентировании внимания белорусского населения на т. н. «исторических обидах». Подчеркивалось, что в периоды нахождения белорусской земли в составе сопредельных государств ее культура и язык пребывали в состоянии упадка и умышленного разрушительного влияния. В-четвертых, Кубе инициировал учреждение Белорусской православной автокефальной церкви, а также санкционировал деятельность и других религиозных конфессий — католической, униатской, мусульманской. Была объявлена свобода вероисповедания, которая противопоставлялась предшествующему советскому периоду атеизма и богоборчества. При этом власти обращали внимание на то, чтобы богослужения проводились на белорусском языке. В-пятых, немецкая гражданская администрация возобновила деятельность школ, было объявлено даже об организации работы нескольких ВУЗов. Обязательным компонентом учебных планов учебных заведений всех уровней стали такие дисциплины, как белорусский

язык и история Беларуси. На уроках естественнонаучного цикла ученики проходили такие темы, как «Понятие о расах», «Характеристика рас», «Арийская раса как высшая культурная и цивилизационная раса человечества». Учебные планы по истории включали такие разделы, как «Беларусь и Германия», «Беларусь в строительстве Новой Европы», «Жизнь Адольфа Гитлера» и др. В-шестых, Кубе инициировал проведение самых разных культурно-просветительских мероприятий и акций, связанных с белорусскими традициями и обычаями, в рамках которых происходило и пропагандистское воздействие на участников. На территории округа выходили газеты и журналы на белорусском языке. Велись радиопередачи на белорусском языке, посвященные культурно-исторической проблематике, демонстрировались пропагандистские кинофильмы. Возобновили деятельность белорусские драматические театры и кружки художественной самодеятельности. В целом, немецкая администрация уделяла вопросу использования белорусского языка в политическом, образовательном, научном, культурном и религиозном пространстве особое внимание.

«Кубе исходил из того, что без определенных политических уступок он не сможет рассчитывать на поддержку местных национально ориентированных сил, а также националистов и коллаборационистов». Кубе активно привлекал к административной и идеологической работе местную интеллигенцию и белорусских эмигрантов. «Большинство прибывших в Минск деятелей берлинской, варшавской и виленской эмигрантских группировок получили те или иные должности, связанные со сферой идеологии и пропаганды. Например, Сенкевич был назначен редактором «Минской газеты» (в дальнейшем «Белорусской»). Редакторами газеты «Голос села» были тот же Сенкевич и Короленко. Акинчиц стал организатором «школы пропагандистов», воспитанниками которой были будущие пропагандистские кадры из числа белорусских коллаборационистов – Ганько, Колядко, Шевцов», - отмечает Пушкаренко Е. А. [10, с. 168-169].

Как следствие, вся эта разнонаправленная и широкомасштабная деятельность была воспринята частью белорусской культурной интеллигенции как проявление некоего национального подъема Беларуси, как возможность построения белорусской государственности в оккупационном формате, как первый шаг к обретению суверенитета. Именно представители белорусской культурной и научной интеллигенции, движимые надеждой на реализацию декларируемых Кубе лозунгов о «возрождении Беларуси» стали социальной опорой проводимой им политики. Многих из них привлекала сама возможность творческого самовыражения на родном языке, популяризации их произведений в оккупационных изданиях, а кого-то и возможность быть приближенными к власти, призрачные «перспективы» участия в государственном строительстве и др. Последствия этого «культурного подъема» имеют отдаленные последствия. Среди современных белорусских историков можно встретить даже такие оценки деятельности Кубе в области национальной и культурной политики: «Если бы вдруг возник вопрос об избрании кого-нибудь из первых политических руководителей нашего Отечества за последние 70 лет почетным членом Товарищества белорусского языка имени Скорины, то у Кубе было бы больше шансов, чем у других, стать таковым» [16, с. 73].

4. Заключение.

Таким образом, период Великой Отечественной войны стал очередным этапом в длительной истории белорусского народа в условиях «военной повседневности». Война стала настолько привычным явлением, что в совокупности с отсутствием самостоятельной государственности значительно деформировала национальное самосознание белорусов, их восприятие себя как отдельного этноса. В менталитете белорусов прочно укоренился стереотип, что многочисленные войны Западного мира с Россией, ареной которых становилась земля Беларуси, отнюдь не касаются белорусского народа. Поэтому вновь установившаяся власть воспринималась скорее индифферентно или настороженно, пока она не проявляла себя в конкретных действиях по отношению к местному населению. Вхождение в новое по-

литическое и культурно - цивилизационное пространство в очередной раз означало, что белорусская национальная идея в виде суверенной государственности снова не будет реализована. Более того, это новое языковое и культурное влияние затормозит развитие этнического самосознания, стремления к обретению собственной государственности. Эти объективные исторические факторы предопределили условия формирования и национальной белорусской элиты. В рассматриваемый период в ее составе выделяется две противоположные группы. Первая, подавляющая, была ориентирована на возвращение советской власти и активно сотрудничала с партизанами и советским подпольем. Вторая, немногочисленная, о которой и идет речь в настоящей статье, попыталась использовать ситуацию военного времени для реализации белорусского национального проекта. Взаимодействие с оккупационными властями они рассматривали как инструмент для достижения собственных политических целей. Стремясь получить власть, хотя бы и под протекторатом нацистской Германии, они упорно не замечали геноцида народа Беларуси и разграбления его культурно-исторического наследия, совершаемых с санкции их политических патронов. Феномен белорусского коллаборационизма во многом сочетался с конформизмом его представителей, принятием факта многочисленных преступлений немецких властей против белорусского народа ради реализации собственных политических амбиций. При этом коллаборационисты, представители белорусской интеллигенции, сами выступали в качестве основного инструмента немецкой пропаганды. Как следствие, их расчеты на возможность обретения суверенитета из рук гитлеровцев обернулись политическим крахом.

Список источников и литературы

1. Кузьменко, В. И, Токарев, Н. В. (2008). *Политика немецко-фашистских оккупационных властей в отношении научной интеллигенции Беларуси (1941-1944 гг.)*. Минск: Белорусская наука. 134 с.
2. Мамаева, Т. П., Пушкаренко, Е. А. (2021). *Белорусская национальная идея как инструмент немецкой пропаганды на территории Генерального округа Беларусь // Вестник Брянского государственного университета*. № 4. С. 80-88.
3. Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). Ф. 370. Оп. 1. Д. 24.
4. НАРБ. Ф. 370. Оп. 1. Д. 435.
5. НАРБ. Ф. 380. Оп. 1. Д. 1.
6. НАРБ. Ф. 381. Оп. 1. Д. 33.
7. НАРБ. Ф. 386. Оп. 1. Д. 1.
8. НАРБ. Ф. 386. Оп. 1. Д. 9.
9. НАРБ. Ф. 908. Оп. 1. Д. 2.
10. Пушкаренко, Е. А. (2021). *Немецкая политика и пропаганда в области культуры на территории Генерального округа Белоруссия в 1941-1944 годах // Известия Саратовского университета*. Новая серия: История. Международные отношения. Т. 21, вып. 2. С. 167-174.
11. Романько, О. В. (2013). *Белорусские коллаборационисты. Сотрудничество с оккупантами на территории Белоруссии. 1941-1945*. Москва: Центрполиграф. 478 с.
12. Российский государственный военный архив (РГВА). Ф. 1370к. Оп. 1. Д. 56.
13. Соловьев, А. К. (1995). *Белорусская Центральная Рада: создание, деятельность, крах*. Минск: Навука і тэхніка. 175 с.
14. Калубовіч, А. (1993). *Крокі гісторыі*. Беласток, Вільня, Менск: Наша Ніва. 283 с.
15. К'яры, Б. (2008). *Штодзеннасць за лініяй фронту: акупацыя, калабарацыя і супраціў у Беларусі (1941-1944 гг.)*. Мінск. 389 с.
16. Лыч, Л. М. (2011). *Нацыянальна-культурнае жыццё на Беларусі ў часы вайны (1941-1944 гг.)*. Вільня: Наша Будучыня. 350 с.
17. Раніца. 18.07.1942. № 28.

18. Раніца. 06.09.1942. № 33.
19. Туронак, Ю. (1993). *Беларусь пад нямецкай акупацыяй*. Мінск: Беларусь. 236 с.
20. Kube, W. *Weissruthenien: Ein Jahr Zivilverwaltung* // Deutsche Zeitung im Ostland. 30.08.1942. № 237.

References

1. Kuz'menko, V. I., Tokarev, N. V. (2008). *Politika nemecko-fashistskih okkupacionnyh vlastej v otnoshenii nauchnoj intelligencii Belarusi (1941-1944 gg.)*. [The policy of the Nazi occupation authorities in relation to the scientific intelligentsia of Belarus (1941-1944)]. Minsk, Belorusskaya nauka Publ. (in Russian).
2. Mamaeva, T. P., Pushkarenko, E. A. (2021). *Belorusskaya nacional'naya ideya kak instrument nemeckoj propagandy na territorii General'nogo okruga Belarus'*. [The Belarusian National Idea as a tool of German propaganda on the territory of the General District of Belarus] in *Vestnik Bryanskogo gosudarstvennogo universiteta*, 4, 80-88. (in Russian).
3. Nacional'nyj arhiv Respubliki Belarus' (NARB). F. 370. Op. 1. D. 24.
4. NARB. F. 370. Op. 1. D. 435.
5. NARB. F. 380. Op. 1. D. 1.
6. NARB. F. 381. Op. 1. D. 33.
7. NARB. F. 386. Op. 1. D. 1.
8. NARB. F. 386. Op. 1. D. 9.
9. NARB. F. 908. Op. 1. D. 2.
10. Pushkarenko, E. A. (2021). *Nemeckaya politika i propaganda v oblasti kul'tury na territorii General'nogo okruga Belorussiya v 1941-1944 godah* [German policy and propaganda in the field of culture on the territory of the General District of Belarus in 1941-1944] in *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya: Istoriya. Mezhdunarodnye otnosheniya*, vol. 21, iss. 2, 167-174. (in Russian).
11. Раніца. 18.07.1942. № 28.
12. Раніца. 06.09.1942. № 33.
13. Romanko, O. V. (2013). *Belorusskie kollaboracionisty. Sotrudnichestvo s okkupantami na territorii Belorussii. 1941-1945*. [Belarusian collaborators. Cooperation with the occupiers on the territory of Belarus. 1941-1945]. Moscow, Centrpoligraf Publ. (in Russian).
14. Rossijskij gosudarstvennyj voennyj arhiv (RGVA). F. 1370k. Op. 1. D. 56.
15. Solov'ev, A. K. (1995). *Belorusskaya Central'naya Rada: sozdanie, deyatel'nost', krah*. [The Belarusian Central Rada: creation, activity, collapse]. Minsk, Navuka i tekhnika Publ. (in Russian).

The article was submitted on 19.02.2023